

ВАСЯ-ЦИКЛОП

В момент рождения он не закричал, а заверещал как птенец, который только что выклевался из яйца. Акушерка изменилась в лице, когда он оказался у нее на руках. Перевела взгляд, в котором застыло смятение, на врача. Они склонились над новорожденным. Выше переносья у него был единственный глаз размером вчетверо больше обычного. Прочих уродств они не заметили. Они разглядывали глаз, словно это был аквариум, в котором плавали разноцветные рыбки.

Так появился на свет мальчик-циклоп. Пятнадцатое августа пришлось на день памяти блаженного Василия, потому позднее он стал именоваться Василием. Так было записано в метрике, а в графе «фамилия» стояло: Пискунов. Но для всех был просто Васей, и когда подрос — тоже.

Мать отказалась от него не из жестокосердности и не по причине его безобразного облика. Обстоятельства той поры ее жизни стали неодолимой преградой между нею и сыном. Она была подростком на попечении диктаторши тетки.

После родильного дома Вася побывал в детской больнице, потом оказался в доме малютки, где собирали детей с попорченной психикой. Его ненормальность, помимо одиночного глаза посреди лба, выражалась в переменном дрожании подбородка и рук и диковинном для человечьего уха плаче, который смахивал на птичью пискотню.

Так случилось, судьба свела Васю с молодой женщиной по имени Зоя, которая работала в прачечной при доме малютки.

В один из дней Зоя везла в бельевую тележку с постиранным и выглаженным постельным бельем. Дверь, ведущая из коридора в комнату, где чад рассаживали по горшкам, была приоткрыта. В момент, когда она с ней поравнялась, Вася дал о себе знать.

Зое стало любопытно, откуда исходят такие необычные звуки. Она поставила тележку на стопор, пошире открыла дверь горшечной и заглянула внутрь.

Тут она и увидела Васю. Обомлела вначале, но быстро совладала с собой и подошла к малышу. Когда наклонилась над ним, прядь ее волос дотронулась до маленького уха, щекотнула его. Мальчик пискнул и улыбнулся, показав свои восемь зубов, по четыре сверху и снизу.

Он внимательно посмотрел на нее своим большим глазом. В нем пребывала неуспокоенная печаль. С того дня она уже не могла забыть этого взгляда.

Зоя стала навещать Васю в игровой комнате и на прогулках. По душевному расположению из ягод черной смородины и антоновских яблок, собранных ею в своем садике, она готовила то мармелад, то суфле, то пастилу, то зефир и угощала

домашним лакомством Васю. С той поры вкус этих лакомств переключался у него с ощущением счастья.

Иметь собственных детей Зоя не могла. Но она считала, что Вася был послан ей, чтоб она расходовала свою любовь на него особо, отдельно от всех прочих людей.

Они с Васей быстро привыкли друг к другу. Через какое-то время Зоя решила Васю усыновить, чтоб дальше им жить уже вместе в ее доме с небольшим садом. Она знала, это вернет ей полноту любви к жизни, которая померкла после гибели мужа два года назад. Степан работал спасателем и нашел свой конец, когда пытался обуздать в частном доме пожар, — на него обрушилась кровля.

Подруги на работе ее отговаривали:

— Зачем он тебе, дефективный такой! Хочешь взять, так бери нормального.

Сколько сирот по детским домам мается!

Но Зоя с ними не спорила, отмалчивалась, а про себя думала: «Никакой он не дефективный, а просто мальчик, славный маленький мальчик!» А его глаз без пары, который так отпугивал других, она находила неотразимым.

Вася рос медленно, оставался щуплым и хилым, хотя Зоя старалась кормить его как можно лучше. Иногда она огорчалась, что лопатки и ключицы у него так выпирают, будто его и не кормят вовсе. Но потом успокаивалась, сознавая, что таково его естество.

Они хорошо зажили вдвоем после того, как были улажены все формальности с усыновлением. Отрезок Васиной жизни, от рождения и до встречи с Зоей, пока он был ничей и бесполезный для всех, навсегда утратился в его памяти.

Когда Вася подрос, у него появилось свое любимое место в саду — лоскут земли, поросший кашкой, под старой, наполовину высохшей яблоней. В погожие дни лета они усаживались вдвоем в тени дерева на просторном клетчатом покрывале. Зоя читала ему сказки Андерсена. Вася любил их, особенно сказку о прачке, которую люди называли пропащей, и ее малом сыне. Зоя досказывала историю, а Вася каждый раз не мог уберечься от слез. Они являлись и, не спросив, падали на покрывало, они были необычайно крупные, под стать его глазу.

Вася ладил с птицами и животными, даже с насекомыми. В живом круговороте он был наравне с ними, потому что мир для него был бы неполон без них.

Однажды Зоя услышала птичье пение, которое доносилось из сада. Она на короткое время оставила Васю на его месте под яблоней, а сама пошла в дом за изюмом. Когда вернулась, едва не выронила чашку из рук.

На ветке, прямо над Васей, сидел зяблик, выставив свою красную с бурым грудку. Он самозабвенно пел, запрокинув головку. Когда наступала пауза между трелями, вступал Вася. Его лицо было обращено к небу, а изо рта исходили удивительные переливы. Они были полны чистой радости, точь-в-точь как у птахи. У них получался настоящий дуэт. Когда они вдоволь попели, Вася дал зяблику с ладони изюма.

В другой раз Зоя застала сына в саду у стола, на котором были разложены собранные в тот день палые яблоки. Усеянный пчелами Вася сидел на лавке. Лишь его глаз был свободен от пчел. Мальчик смеялся, пожимался и ежился от касаний шевелящихся насекомых. Он походил на инопланетное создание.

Зою эта картина привела в ужас, а когда она пришла в себя, пчелы уже снялись всем роем с тела Васи и с деловитым гудением отправились по делам. Зоя тогда не нашла на Васе ни единого укуса. Ей даже показалось, такое общение с насекомыми пришлось ему по вкусу.

Был еще случай с собакой. Жилец из дома напротив, которого местные почему-то звали Вальдемаром, был до времени состарившимся человеком по причине своего непроглядного пьянства. Жена с детьми давно от него сбежали, и он жил

вдвоем с кобелем, которого кликал Кипешом. Вальдемар отсидел срок за убийство, случившееся в потасовке посреди алкогольной горячки.

В тюрьме надзиратели мучили заключенных, одни сидельцы мучили других, но были самые слабые и трусливые, которым мучить уже было некого. Вальдемар был как раз из таких. В неволе душа его приросла злобой.

Когда он вернулся из заключения, то вскоре подобрал на улице метиса овчарки. Держал его впроголодь, бил и находил в этом себе облегчение. Сверх того при-
травливал Кипеша на людей.

Как-то Вася искал в траве перед калиткой оброненный Зоей ключ от садового домика. Мимо проходил Вальдемар, а за ним бежал Кипеш. Вальдемар первый день как начал выбираться из недельного запоя. Его трясло, а внутри снедала тоска. Он как увидел Васю, так обрадовался, что есть на свете еще более никчемное, чем он сам, существо.

Он повернулся к Васе и крикнул:

— Не смей смотреть на меня! Тебя надо в цирке показывать, обезьяна ты одно-
глазая! А лучше бы ты вовсе издох. Все одно бесполезный как пыль придорожная.

Лицо у Вальдемара будто стерлось, на месте глаз виднелись два тусклых пятна.

Васе стало обидно, и он возразил:

— Я не бесполезный, меня мама любит. И зяблик меня любит, и пчелы...

— И зяблик меня любит, — передразнил Вальдемар и плюнул в сторону Васи.

Его так ожесточило это «любит», что он цокнул языком. Это был сигнал для Кипеша наброситься на человека. Вальдемар уже предвкушал, как в следующий миг услышит Васины крики вперемешку с дьявольским рыком собаки.

Вышло же вовсе другое. Кипеш спокойно приблизился к Васе, обнюхал его и посмотрел ему прямо в глаз. Вася почувствовал то же, что чувствовал, когда Зоя обнимала его. Пес прижался к нему, принялся лизать ему руку.

Зоя всегда старалась уберечь Васю от насмешек и людской злобы. А он будто прививку имел от этой скверны.

Однажды во время летних каникул к Зое приехала погостить ее старшая сестра Наталья с семьей. Васе тогда шел восьмой год. Зоя одела его в праздничное: легкие двцветные брюки из хлопкового трикотажа с накладными карманами, синюю рубашку вольного кроя с белыми вставками. Одежда не была покупной. Имелся и второй комплект, сшитый на каждый день. Зоина мать много лет проработала в ателье закройщицей. Она передала дочери свой талант. Зоя снимала с Васи мерки и думала: «Вот минует незаметно несколько месяцев и сын мой из всего этого вырастет».

Но все получилось иначе.

По мере того как Вася рос, одежда, скроенная и пошитая Зоей, без чьего-либо вмешательства расставлялась, росла вместе с ним и почти не снашивалась. Зоя поначалу не переставала этому удивляться, но в конце концов свыклась.

Семья старшей сестры жила в прибрежном камчатском поселке. Тепло даже летом было там редкостью, а в Подмоскowie в тот год месяц как держалась жаркая сухая погода.

У Натальи и Сергея Плетневых подрастало два отпрыска — Кеша и Гоша. Близнецы были на год младше Васи. Когда Зоя подвела их к Васе знакомиться, лица братьев на мгновение застыли, а глаза раскрылись широко, как никогда прежде. Следом Кеша отступил назад, нижняя губа его выпятилась, а брови сдвинулись. На лице его плутала усмешка. Гоша был словно Кешин зеркальный двойник.

В один день близнецы дождались, когда Вася уснет, и потихоньку пробрались в его комнату. Вася лежал на кровати с открытым глазом, но по всему было видно, что он спит. На прикроватной тумбочке стоял ночник, похожий на гриб. От него

исходил зеленоватый притушенный свет. Кеша чуть не споткнулся о ночной горшок, не до конца задвинутый под кровать. Мальчишки беззвучно прыснули. Они уж года два как обходились без горшка.

Близнецов так и подмывало рассмотреть эту невидаль — Васин глаз. Пялиться на него было неловко, и время сна было всего сподручней для этого.

Они нагнулись к голове спящего. Кеша захватил с собой палочку, он поводит ею перед Васиным глазом. Было бы занятно пошевелить его палочкой, но на это он не решился. Гоша подул на глаз будто на блюде с горячим чаем. Вася моргнул, и близнецы, отпрянув, заговорщицки переглянулись.

Когда они оставили Васю в покое, Гоша спросил брата:

— И почему он с открытым глазом спит? И как он сны тогда видит?

Зоина родня старалась чаще выбираться в Москву. Интересные места и события обещали отрадные воспоминания в будущем. Все Плетневы, кроме Натальи, были в столице впервые. В субботу они готовились отправиться в детский театр на музыкальное представление «Буратино». Были уже приобретены билеты на всех.

Гоша, на беду, подвернул накануне ногу. Это случилось во время побегушек с Кешей в саду. Пришлось оставить Гошу дома под приглядом Зои. Он был раздосадован, обособился, ни с кем не хотел говорить. Отказался от пастилы, которую очень любил. Он силился не показывать слезы, но они собирались в глазах, искали себе выхода и находили.

Васе без оглядки хотелось чем-нибудь Гоше помочь. Было несправедливо, что случайность отняла у близнеца шанс изведать верное удовольствие. Тогда Вася и сделал в самом себе открытие, которое его и самого озадачило.

Он почувствовал, что с его глазом что-то творится. Глаз стал вдруг пульсировать, будто Васино сердце переместилось туда, и собрал в себе новую силу. Места, куда мог добраться мыслями Вася, теперь начали отражаться в глазу, словно это был экран монитора. Он не только показывал все, но и наделял изображение звуками. Слышимы, правда, они были лишь тому, кому предназначались.

Вася подошел к Гоше, тронул его за руку. Гоша посмотрел на него и не смог оторваться. Оказалось, Васин глаз — не просто экран, а что-то вроде проема, через который Гоша неясным образом сумел протесниться в театральный зал. Ему в одно время и верилось и не верилось, что все это с ним происходит.

И все же он мог видеть и слышать каждого в зале, а о его присутствии никто не догадывался. В пятом ряду, почти посередине, рядом с отцом сидел Кеша, а на Гошином месте вертелась, пританцовывая, Настя, дочка подруги Зои. Она хлопала в ладоши и звонкогласо смеялась в забавных моментах. Да и Кеша не отставал от нее.

Так Гоша побывал на музыкальном спектакле. Он был увлекателен и хорош сам по себе, однако то, как он там очутился, превратило спектакль в нечто совершенно особенное.

Сергей, отец близнецов, старался делать все возможное, чтобы отвести от жены и детей жесточение, которое, скапливаясь в людях, неустанно просачивалось в мир. Семья всегда была для него очень важна. Этого не могли заслонить ни его собственные притязания, ни внешние обстоятельства, каковы бы они ни были.

Сергей неотступно думал, как ему выйти из сложной ситуации, в которой он оказался. Он держал шиномонтажную мастерскую на въезде в соседний город. Бывший партнер его обманул, вывел из дела большую часть общих денег и пустился в бег. У Сергея был крупный кредит, погасить его он тоже не мог. Надо было что-то предпринимать.

Несмотря на все то, Сергей не посвящал жену в свои проблемы и не стал жертвовать поездкой в Москву. Средства на нее были отложены загодя, да и билеты на самолет были куплены до исчезновения компаньона.

Плетнев прежде не играл в лотереи, но, поддавшись смутному побуждению, непонятно почему купил себе билет «Спортлото». Это случилось спонтанно, когда, находясь в городе, он зашел в салон сотовой связи. «Похоже, суперприз сегодня найдет хозяина!» — пошутил продавец, наблюдая, как он уверенно, без раздумий зачеркивает нужное.

Шесть цифр из сорока девяти, которые он выбрал, на самом деле были сообщены ему Васей, хотя тот об этом даже не подозревал. За два дня до этого Вася подарил Сергею свой рисунок. Сергей подумал тогда: «Странный, конечно, рисунок, но ведь определенно он что-то значит».

Мужчина долго рассматривал крошечных птиц с распростертыми крыльями, собранных в группы в разных частях листа. Невольно он пересчитал число птиц в каждой стае. И после этого рисунок уже неотвязно стоял перед глазами. Всякий раз выходило одно и то же: 3, 5, 8, 13, 21, 34. Эти числа он и отметил в лотерейном билете. А когда посмотрел результат тиража, был ошеломлен и долго не мог поверить. Он выиграл! Выиграл чертов суперприз! Теперь он может решить проблемы, которые прежде так угнетали его. Этих денег и после уплаты налога хватит, чтобы погасить кредит, сохранить дело да еще и расширить его. Можно вновь строить планы, ведь они с женой молоды, и лучшее, вероятно, еще впереди.

Сергей рассказал все сначала Наталье, показал ей заветный билет и квитанцию.

— Мне бы ни в жизнь не выиграть без подсказки, — делился он с женой. — Эх, нам бы в приемыши хлопчика-циклопчика Васю! С его чутьем на удачу мы бы горя не знали!

Перед отъездом гостей из Москвы Сергей купил Васе отличный велосипед, которому мальчик был рад безмерно. За домом Зои, стоявшим на самом краю поселка, тянулось поле, где ничего не росло, кроме зряшной травы. Вдоль поля тянулась широкая тропа. Зоя с Васей стали ходить туда, подальше от людских глаз. Катание на велосипеде стало для Васи любимым занятием. Приятно было ощущать на лице упругий напор встречного ветра, когда он прибавлял ход!

А еще любимым занятием Васи было рисование. Он делал это и карандашом на альбомных листах, и угольной палочкой на изнанке кусков старых обоев. Зоиным лаком для волос Вася закреплял наброски углем, чтобы сберечь их.

Как-то Зоя захватила на работу несколько рисунков сына. Ей хотелось показать их сослуживицам, которые помнили Васю по тем временам, когда он жил в доме малютки.

Чаще всего Вася рисовал знакомых ему птиц: сизаря, синицу, ворону, стрижа, зяблика, аиста. Пара аистов в тот год устроила гнездо на маковке столба у них во дворе. Васе нравилось наблюдать за жизнью семейства. А в день, когда оно приросло тройкой птенцов, он очень обрадовался.

Рисунки Васе удавались. Но главное было в другом. У тех, кто видел их, возникала уверенность в том, что это уникальная птица с ее неподражаемым обликом и характером, а не просто, к примеру, синица, сошедшая с конвейера игрушек, неотличимая от сотен других. Людям не удавалось заметить это своеобразие птиц, а Васе это было подвластно.

Без сомнения, это как-то было связано с его глазом. Он хоть и являлся барьером между Васей и остальным миром, но в то же время соединял его со всем, что делило с ним этот мир. Иногда, следуя чутью сердца, Вася воображал себя гадким утенком из сказки Андерсена.

У Зоиных подруг рисунки Васи вызвали неприкрытый интерес, очень уж были они необычные. Люба с молочной кухни вызвалась передать их старшему брату, преподавателю детской школы искусств, чтобы он оценил их.

Художника заинтересовали эти работы. Вскоре он вместе с Любой пришел в Зоин дом, чтобы познакомиться с Васей. После совместного чаепития он посмотрел рисунки и отобрал лучшие.

— Вот что, паренек! — обратился он к Васе, деликатно положив ему на плечо руку. — Есть у меня мысль устроить твою выставку в нашей школе. Люди должны познакомиться с рисунками Васи Пискунова. «Портреты птиц» по-моему, недурное название для выставки, как ты думаешь?

Вася от волнения не мог ничего ответить.

— А это мы используем для плаката, — продолжил учитель, выбрав один из рисунков. Но в следующий миг произошло необъяснимое. На рисунке было большое гнездо, в нем сидели три аистенка с полуоткрытыми клювами, и с ними происходило медленное превращение, не поддающееся рациональному толкованию. На месте детенышей аиста вдруг оказались три младенца — два мальчика и девочка. Спустя некоторое время учитель вновь увидел птенцов, каждый из которых имел свой облик.

Выставка «Портреты птиц» прошла с успехом, ее даже продлевали на пару недель. А один человек, почитатель дарования Васи, после закрытия экспозиции купил все рисунки за хорошую цену.

Это было счастливое время для Васи и Зои. Как раз в то время у Васи появились два затвердения под кожей спины у внутреннего края обеих лопаток. Когда Зоя заметила их, это ее озаботило. Она попросила врача из дома малютки Веру Евграфовну осмотреть сына. Доктор ее успокоила, сказала: признаков опухоли и воспаления нет, но надо сделать ультразвуковое исследование и последить за Васей.

Потом долгое время в жизни семейства ничего не менялось, пока через шесть месяцев Зоя не узнала о своей болезни. Все начиналось как грипп, но вскоре выяснилось, что это не грипп, а вид лейкоцитоза с плохими шансами на поправку. От подобной болезни когда-то умерла сестра Зоиной матери.

Зою лечили химиотерапией, но понапрасну. Это лишь заставляло ее больше страдать. Настало время, когда у Зои, садившейся с помощью Васи на краешек кровати, уже недоставало сил, чтобы надеть тапочки.

За день до Зоиной кончины Вася сидел у ее постели. Зоя с нежностью смотрела на сына, думала о том, как он будет жить без нее. Гнетущие мысли скрыть было трудно, но она очень старалась.

В какой-то момент Васин глаз тоже для нее постарался. Он переместил все его внимание на себя, увлекая за собой. Он провел ее туда, где она встретилась со своим дорогим человеком, мужем Степаном. Она увидела залитую солнцем гостиную в своем доме. У стола сидит ее Степан в белой футболке, загорелый и крепкий.

«Ты пришла ко мне! — говорит ей Степан, улыбаясь. — Теперь уж мы не расстанемся, голубка моя...»

Умерла Зоя в день, когда солнце пригревало совсем по-весеннему. А после сорокового дня Вася проснулся ночью от чувствительной боли в лопатках. Он включил свет и заметил на простыне пятна крови. Тогда он подошел к зеркалу, повернулся к нему спиной и увидел зияющие раны на месте бывших бугорков. Из них выступали слепившиеся от сукровицы перья.

В тот день на небе явился огромный глаз, который был виден не только днем во всех концах земли, но даже и ночью. Он призывал Васю к себе. Вася надел одежду, когда-то шитую для него Зоей, но сначала сделал на спинке рубашки прорези для пробившихся крыльев. Его глаз пульсировал, будто вместил в себя все сердца мира.

Вася пошел на поле за домом, с наслаждением подставил крылья весеннему ветру. Потом разбежался, с силой рванул оба крыла вверх и вперед и широкими

взмахами расправленных крыльев взлетел. Он сделал круг над своим домом, над столбом с гнездом аистов и, оставив поселок позади, стал набирать высоту.

Рассказывали, что в годовщину Зоинной смерти люди видели склонившегося над ее могилой ангела.

ТЁТКА

Ты без труда вспомнишь тот пустырь вблизи железной дороги, куда мы скрывались от глаз родителей да и всех взрослых. Так и вижу занесенный облетевшей листвой клочок земли перед скамьей с облупившейся краской. Можно было только догадываться, каким был ее изначальный цвет. На этой скамье мы коротали время, болтали, выдумывали всякую несусветицу и смеялись до колик в животе. Бывало, делились друг с другом и тайнами...

На ум приходят мысли вроде той, что память на пугающем отдалении от юности все больше подсовывает картины, подобные пожелтевшим, выцветшим фотографиям. Если подолгу рассматривать фотографии умерших людей, начинаешь различать едва уловимый запах тления. Что это — обонятельные галлюцинации? Метаморфозы работы мозга?

Помню, как Тамара, моя тетка, несшая всю свою жизнь ношу одинокой старой девы, незадолго до смерти, будучи уже тяжело больной, попросила меня об одном одолжении.

Все свои фотографии, скопившиеся за шесть десятков прожитых лет, она сложила в беспорядке в объемистый матерчатый мешок и перевязала его бечевкой.

— Сделай это теперь, пока я жива, — сказала она. И принесла из комнаты тот самый мешок, положила его на край кухонного стола, за которым мы пили чай.

— Я хочу, чтоб ты взял это и где-нибудь закопал.

Мне было тяжело это слышать, сиденье стула сделалось страшно неудобным — я принялся крутиться на нем, поперхнулся печеньем. Хотел возразить, но тетка остановила меня.

— Не хочу, чтобы фотографии оказались в конце концов в мусорном баке.

— Позволь, я возьму это с собой, — только сказал я.

В своей трудовой жизни тетка была бухгалтером. День за днем, год за годом сидела она в конторе при Метрострое, проводила расчеты, укладывала цифры в скучные столбцы, в положенный срок готовила квартальные отчеты...

Потом, по выходе на пенсию, ей, как одинокой и бессемейной, выпало бремя ухода за престарелой матерью. После смерти мужа бабушка перебралась из деревни в город доживать свой век у старшей дочери. Была бабушка худой и высохшей, почти невесомой, но кости противились таскать и это скудное тело. Большую часть дня сидела она в старом кресле, утопив тощие ноги в валенках, даже когда на дворе было лето. «Кровь у меня старая, ленивая — не греет почти», — объясняла она.

Бывало так, что по пути в туалет или в кухню бабушка теряла равновесие. Пол квартиры для нее превращался тогда в палубу корабля, угодившего в шторм. Хорошо, если обходилось без того, чтоб при падении не удариться о дверной косяк или что-либо твердое, выступающее.

Тетка не могла находиться с ней неотлучно — надо было выходить в магазин, в сберкассау или ЖЭК. Возвратившись домой, она кидалась к матери, лежащей в неестественной позе в собственных испражнениях. С трудом доволакивала ее до ванной, обмывала, обтирала насухо и переносила в постель. Потом обрабатывала антисептиком ссадины на ее теле и надевала чистую ночную сорочку.

Мне видится картина: отрешенный взгляд бабушки блуждает по стене, не находя себе пристанища. Она вскрикивает от боли, причитает тоненьким голосом почти беспрерывно...

Прошлой ночью я внезапно проснулся. Весь в испарине, я сел на кровати, потрогал голову, ощупал свои ноги и руки, как будто желая удостовериться, что всё на месте и мне ничто не угрожает. Накануне я простыл и у меня поднялась температура под сорок. Я что-то принял из подручных лекарств — аспирин, кажется еще аскорбиновую кислоту.

Редкий случай, но ночной кошмар запомнился мне. Я увидел свою мать так отчетливо, что сумел различить даже чуть раздвоенный кончик ее носа, который ребенком любил целовать. Я бросился к матери. Я понимал, что если сейчас, в этот миг, не настигну ее, то она исчезнет безвозвратно, ибо пришла она оттуда, куда нам не пробиться, где время забыло, что ему следует течь или его не существует вовсе.

Я напоролся на ледяную твердую стену — она была прозрачной и уходила прямо в небеса. Я кричал, звал мать и сорвал голос до сипоты, но все продолжал звать ее, давясь кашлем и хрипом, с побагровевшим искаженным лицом. Я колотил кулаками в стену, в отчаянном бессилии бился об нее головой. Разбил в кровь костяшки пальцев, расшиб себе нос, и кровь стекала по подбородку на шею и дальше на грудь, пачкала одежду. Слезы кагились по лицу — мать не слышала, не видела меня, не подозревала о моем присутствии и медленно удалялась прочь. На какое-то мгновение мне показалось, что она обернулась. Как хотелось мне обнять ее в этот миг!

Истинную значимость объятий познаешь лишь тогда, когда тебе некого в них заключить. Миг объятий краток, но отчего так долго удерживает сердце память о нем? Прекраснейшая из иллюзий — преодоление одиночества. Я склоняюсь к тому, что в этом все дело.

В нашем детстве мать часто уезжала в командировки в ближнее Подмосковье. Она была геологом, в молодости объездила немалую часть огромной страны. Много недель провела на Дальнем Востоке, где в то время строили установки радарного слежения. Но то было до твоего рождения. Ты был у родителей первенцем. А я появился на свет спустя три неполных года.

Мы жили трудно, недостаток семьи граничил с бедностью. Помню, ты donaшивал светло-серое драповое пальто, доставшееся тебе от бабушки. Оно было добротное, но на юноше смотрелось так, что парня хотелось от души пожалеть. К тому же пальто было тебе велико. Командировки матери приносили семье дополнительные деньги.

В один из отъездов матери тетка присматривала за нами. В тот день — он вьелся мне в память — тебя жестоко избили мальчишки на заднем дворе школы, сломали тебе нос. Ты никогда не умел защитить себя. Жестокость в душах подростков бывает непомерна. Чужая слабость — как бензин, выплескиваемый на огонь: еще сильнее разгорается ненависть, еще угрюмее лица, еще злее глаза обидчиков.

Я разыскал тебя на пустыре. Сгорбившись, ты сидел на нашей скамье, прижав к лицу носовой платок. Меня поразил контраст бледности твоего лица и цвета ткани, пропитанной кровью. У тебя кружилась голова, я взял тебя под руку и повел домой. Платок пришлось выбросить, на смену ему пошла в ход футболка — в школьном расписании значился урок физкультуры, и я захватил ее с собой.

«Что они натворили? Что они с тобой сделали?» — глотая слезы, шептала тетка, прикладывая смоченное холодной водой полотенце к твоему распухшему носу.

Кровь не останавливалась, и с носовым кровотечением тебя отправили в больницу. Тетка сопровождала тебя. Она осталась с тобой на ближайшую ночь. Потом несколько дней кряду мать и тетка, сменяя друг друга, находились с тобой

почти неотлучно. Не знай медицинские сестры, кто именно из двух этих женщин приходится тебе матерью, они могли бы и не догадаться об этом.

В периоды беспомощности мы вынуждены всецело довериться другим людям. Лучше, если в их роли будут наши близкие. Ни у кого из нас нет выбора — ни у младенцев, ни у стариков, исчерпавших свой жизненный ресурс, но все еще несущих в себе мерцание жизни, ни у тяжело болеющих или увечных, которым порой затруднительно без чужого содействия справиться свои естественные нужды. Так было с бабушкой, так будет со многими из нас — зарекаться здесь бессмысленно.

В ту первую ночь в больнице ты также нуждался в помощи в присутствии близкого человека. Не из-за боли в сломанном носу, не из-за слабости от потери крови — нет, но от той пучины отчаянья, в которую ты провалился, ты страдал от того, что у тебя не достало духу попытаться дать отпор своим мучителям. Ужаснее всего было то, что оскорбления сыпались не только в твой адрес, но напрямую задевали мать. «Какая сука могла такого уродо родить?» Эти слова были подобны гвоздям, которые по самую шляпку загоняли тебе в душу. Каждое слово — отдельный гвоздь.

Тетка старалась избегать фраз утешения, она внутренним чутьем понимала, что они только усугубят твои муки. Она прятала свои слезы, украдкой утирала их скомканным платком. Давала пить тебе из поильника прохладный морс, прикладывала к твоему лбу влажную тряпку, а когда ты впадал в забытье, бережно целовала тебя в лоб.

Ты с детства был хорошим рассказчиком, а во взрослой жизни стал писать неплохие книги. В третьей своей книжке, в повести о нашем детстве, ты так пронзительно и правдиво рассказал о том эпизоде в больнице.

Любовь, обращенная на нас извне, со стороны другого человека удерживает нас в этой жизни. Об этом я думал, когда читал твою книгу.

Я держу в руках фотографию из числа тех, что много лет назад моя тетка сложила в матерчатый мешок и просила меня уничтожить. Я вижу вас обоих на фоне белоствольных берез. Мне кажется, я даже могу ощутить тот воздух вокруг вас, пронизанный солнечным светом.

Тебе по виду лет пять. Ты одет в клетчатую рубашку с коротким рукавом и светлые шорты. Мальчишка с вихрастой светло-русой головой. Наша тетка — молодая женщина с завитыми волосами, живыми темными глазами и чуть раздвоенным кончиком носа. На ней летнее платье по моде шестидесятых — такое легкое, почти воздушное. Вы держитесь за руки и оба улыбаетесь, а сияющая белизна стволот как будто вторит вашим улыбкам.

«Мать и сын. Мать на прогулке с сыном». Эта фраза прозвучала внутри меня прежде, чем я смог осознать ее смысл. Я никогда не мог объяснить, тем более сформулировать для себя, в чем состояла причина различного отношения тетки к тебе и ко мне. Но я безошибочно чувствовал это. Тебе и мне доставались разные доли ее души и любви.

Да нет же, она любила меня, и я часто навещал тетку. Она старалась накормить меня повкуснее, стремилась вникнуть в события моей жизни, а при расставании давала мне с собой немного денег или выигрышный лотерейный билет. В сберкассе я обменивал этот билет на рублевую бумажку, и после мы с друзьями объедались вкуснейшим сливочным мороженым.

Но я не помню, чтобы тетка интересовалась, что именно я больше всего люблю из еды. Твои предпочтения она знала наперечет. Сережа любит жареные стручки зеленой фасоли, салат из кальмара, приправленный майонезом, ему по душе намазывать финский сыр «Виола» на хлеб. И к твоему приезду тетка разыскивала в магазинах всю эту снедь, а в те времена это было не так уж и просто.

Когда на работе тетке удавалось заполучить билет в тюз или на экскурсию в Оружейную палату (и этот билет был единственный), как-то почти всегда выходило, что в счастливых случаях оказывался ты. Если случалась пара билетов, тетка, помимо тебя, с удовольствием брала с собой и меня.

Я не говорю о тех днях, когда ты болел. Тетка, узнав об этом, тотчас мчалась к тебе, прихватив с собой твою любимую пастилу и большую связку бананов. Она как страж сидела подле твоей постели. Ты уплетал пастилу, а она читала тебе вслух о приключениях отважных и не очень людей, населявших твои любимые книжки.

Иногда забота тетки Тамары о тебе принимала даже оттенок нелепости. Был случай, когда в день твоего рождения надо было отнести в школу торт — так тогда было принято. Накануне тетка в разговоре по телефону наставляла мать, где и как купить свежий «Киевский». И чтоб выехала та из дома пораньше и поспела в кулинарию при ресторане «Молдавия» вовремя — не то разберут торты.

Мать поутру в делах и домашних заботах замешкалась и задержалась с выездом. Ну и не досталось ей торта — уплыл красавец «Киевский» в чужие руки. Вот уж влетело ей от старшей сестры! Отчитывала она мать беспощадно. «Ты о ребенке не думаешь! О себе только думаешь. Как он теперь в школе покажется?» — возмущалась тетка. «Ну купила ему с собой конфет разных хороших, фруктов купила», — оправдывалась мать. Кончилось дело тем, что по совершенно пустячному поводу они тогда рассорились и не разговаривали между собой месяца два, не меньше...

Я спрашиваю себя, как же мне примириться с тем, что мои близкие люди стали персонажами прошлого. Нет — только не для меня. Пока память моя при мне, я не отлучен от них полностью.

Совсем недавно я узнал о своей тетке Тамаре то, что многое для меня прояснило. Об этом рассказала мне младшая из сестер матери, тетя Люся, — последняя ныне живущая. Я как-то заехал проведать ее, и мы разговорились, сидя на кухне за чаем. Я вспоминал свое детство, зашла речь и о тетке Тамаре, о ее судьбе одиночки.

— Я долгие годы молчала, хранила тайну, как обещала ей, — сказала тетка Люся. — Теперь нужды в этом больше нет. Так вот. Первая беременность твоей матери почти совпала по времени с беременностью тетки. Мать твоя родила Сергея, а Тамара сделала аборт. Сделала уже с риском для жизни — на позднем сроке. Пришлось все устроить подпольно — тогда строго воспрещались аборты. Потом тетка опомнилась — что ж она натворила, ребеночка своего сама, считай, умертвила. Так и не простила себя...

Я наблюдаю за трепетом листвы на каштане у меня под окном. Думаю о нашей с тобой тетке Тамаре. Сердце ее, это прибежище нерастроченной любви, — через годы, через разлуку, через смерть по-прежнему шлет нам свои послания. Словно морская раковина, давным-давно разлученная с родной стихией, доносит до уха таинственный шум — отголосок прошлой жизни.

